

Пароуз

ЛУИЗА ЭРДРИЧ

Пароуз

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э75

Louise Erdrich
LAROSE

Copyright © 2016, Louise Erdrich
All rights reserved

Перевод с английского *М. Тарасова*

Художественное оформление *М. Дорошенко*

Эрдрич, Луиза.

Э75 Лароуз / Луиза Эрдрич ; [пер. с англ. М. В. Тарасова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-096852-7

Северная Дакота, 1999. Ландро выслеживает оленя на границе своих владений. Он стреляет с уверенностью, что попал в добычу, но животное отпрыгивает, и Ландо понимает, что произошло непоправимое. Подойдя ближе, он видит, что убил пятилетнего сына соседей, Дасти Равича. Мальчик был лучшим другом Лароуза, сына Ландро. Теперь, следуя древним индейским обычаям, Ландро должен отдать своего сына взамен того, кого он убил.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-096852-7

© Тарасов М., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Посвящается Персии
и всем людям по имени Лароуз*

Два дома

1999—2000

Дверь

*

Там, где граница резервации незримо пересекала густые низкорослые заросли черемухи, тюльпанного дерева и чахлах дубков, Ландро остановился и стал ждать. Он обещал больше не пить, и после того, как дал слово, пьяным его не видели. Ландро был набожным католиком, но и от веры предков не отказался. Убив оленя, он мог на английском поблагодарить одного бога, а на языке оджибве¹ пообещать приношение в виде табака другому². Он был женат на женщине еще более набожной, имел пять детей, заботился об их пропитании и стремился вырастить из них достойных людей. У его соседа, Питера Равича, была большая ферма, составленная из бывших индейских наделов. Он выращивал кукурузу, сою, а западную окраину владений отвел под сенокос. Он и Ландро, а также их жены, которые были единокровными сестрами, жили в ладу. Если надо, меняли яйца на патроны, картошку на муку, делились детской одеждой, вместе ездили в город — ну и так далее. Их отпрыски играли вместе, хоть и ходили в

¹ Оджибве — индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселен в Канаде и в резервациях США. Численность около 360 тыс. чел. Религии: протестантизм, католицизм и традиционные культы. — *Здесь и далее прим. перев.*

² У оджибве распространены тотемизм, охотничьи культы и культы духов-покровителей. Верховное божество — Гитчи-Мани-ту (Гиже-Маниду).

разные школы. Когда наступил 1999 год, Равич заинтересовался «Проблемой 2000 года»¹ и связанными с ней грядущими катаклизмами. Он постоянно говорил о том, что завел автономные источники энергии, установил специальные программы на свой компьютер и запасся всем необходимым. Он даже заполнил старый бензобак и закопал его под сараем. Равич представлял всевозможные ужасы, но случилось то, чего он не мог предвидеть.

Ландро выслеживал оленя все лето, ожидая, что завалит его, растолстевшего на кукурузе, которую убрали совсем недавно. Как всегда, он отдаст часть мяса Равичу. У оленя были свои привычки, и он хорошо освоился на тропе. Он будет ждать, уставившись в полуденную дымку. А затем, перед наступлением сумерек, отважится пересечь границу резервации, чтобы навестить дальние поля Равича. Теперь олень приближался, идя по привычной тропе, то и дело останавливаясь, чтобы принюхаться. Но Ландро ждал с подветренной стороны. Самец повернулся, чтобы всмотреться в кукурузное поле Равича, идеально подставляясь под выстрел. Ландро был опытным охотником, начав с дедом охотиться на мелкую дичь еще в возрасте семи лет. Он выстрелил с хладнокровной уверенностью. Когда олень отскочил и убежал прочь, Ландро понял, что попал в кого-то другого, — в момент, когда он нажал на курок, перед его глазами что-то мелькнуло. Лишь когда Ландро отправился вперед на разведку и осмотрел тропу, он увидел, что убил соседского сына.

Ландро не дотронулся до тела мальчика. Он уронил ружье и побежал через лес к дому Равича, рыжеватой постройке с большим окном и террасой. Когда Нола открыла дверь и увидела Ландро, пытающегося выговорить имя ее сына, она опустилась на колени и указала наверх, где

¹ «Проблема 2000 года», или «Миллениум» — мнимый сброс данных всех компьютеров, который, по предположению, должен был произойти 1 января 2000 года.

он должен был находиться, — а верней, где его не было. Она только что проверила, там ли он, обнаружила, что мальчик ушел, и собиралась его искать, когда услышала выстрел. Мать встала на четвереньки. Затем она услышала, как Ландро говорит по телефону, рассказывая дежурному, что произошло. Он уронил трубку, когда она попыталась выскочить за дверь. Ландро сгреб ее в охапку. Она сопротивлялась и царапалась, стараясь высвободиться, и все еще боролась с ним, когда прибыли наряд племенной полиции¹ и бригада «Скорой помощи». Она не вышла за дверь, но вскоре увидела парамедиков², бегущих через поле. «Скорая», качаясь и кренясь, медленно двигалась к лесу по заросшей травой дороге, где обычно ездил лишь трактор.

Нола выкрикивала в лицо Ландро ужасные вещи, которые потом не могла вспомнить. Племенная полиция была там. Она знала этих людей. «Казните его! Казните этого сукина сына!» — кричала она. Когда Питер приехал и поговорил с ней, она поняла — медики сделали, что смогли, но все было кончено. Это ей объяснил Питер. Губы его шевелились, но она не могла услышать ни слова. Он был слишком спокойным, подумала Нола, все еще находясь во власти бешеного гнева, слишком спокойным.

Ей хотелось, чтобы ее муж отдубасил Ландро до смерти. Она ясно видела, как это случится. Она была маленькой тихой женщиной, которая никому не причинила вреда в своей жизни, но теперь она хотела крови. Ее десятилетняя дочь в то утро заболела и осталась дома, пропустив школьные занятия. Девочку по-прежнему лихорадило,

¹ Индейская племенная полиция — блюстители порядка, нанимаемые теми племенами коренных американцев, которые имеют конституционное правительство, в отличие от наследственных вождей.

² Парамедик — термин, используемый преимущественно в США, специалист с медицинским образованием, работающий в службе «Скорой помощи» и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

но она спустилась по лестнице и прокралась в гостиную. Мать не любила, когда они с братом устраивали кавардак, оставляя игрушки лежать кучами на полу. Их место было в большой коробке. Сейчас дочь спокойно вынула все, что в ней находилось, и разложила повсюду. Мать увидела это и, внезапно встав на колени, принялась наводить порядок. «Ты можешь не разбрасывать вещи? Неужели тебе не понятно, где они должны лежать?» — сурово выговаривала она. Когда игрушки опять оказались в коробке, Нола снова разразилась криками. Дочь вынула игрушки. Мать швырнула их обратно. Каждый раз, когда она нагибалась и подбирала игрушки, взрослые отводили глаза и громко разговаривали, стараясь заглушить ее причитания.

Дочь звали Мэгги, в честь тетки Мэгги Пис. У девочки были бледная, словно светящаяся кожа и каштановые волосы, которые лежали на плечах озорной волной. Волосы Дасти были светлыми, такого же цвета, как шкура оленя. Мальчик был одет в рыжеватую футболку, и охотничий сезон был в самом разгаре, хотя это не имело значения на той стороне границы, где Ландро сделал роковой выстрел.

Зак Пис, исполняющий обязанности начальника племенной полиции, и Джорджи Майти, восьмидесятидвухлетняя медсестра на пенсии, работавшая коронером округа, и так были перегружены работой. День назад произошло лобовое столкновение. Оно случилось далеко за полночь, когда бары уже были закрыты; ни один из погибших не был пристегнут ремнем безопасности. Коронер штата совершал объезд их района и остановился в резервации, чтобы ускорить оформление документов. Зак как раз разбирался с этой проблемой, когда поступил звонок насчет Дасти. Бедняга сделал паузу, чтобы положить голову на стол, а потом позвонил Джорджи, которой следовало убедить coronera штата остаться еще на пару часов и осмотреть ребенка, чтобы семья могла без промедления приступить к похоронам. Теперь Заку предстояло позвонить Эммалайн. Как двоюродные брат и сестра, они выросли

вместе. Зак пытался сдержать слезы. Он был слишком молод для своей должности и излишне добросердечен для полицейского. Сестре он пообещал зайти позже. Так что Эммалайн узнала обо всем еще до возвращения детей из школы. Она как раз пришла домой, чтобы их встретить.

Эммалайн подошла к двери и наблюдала за тем, как старшие дети выходят из автобуса. Они шли с опущенными головами, касаясь руками высокой травы, когда пересекали заросшую канаву, и Эммалайн поняла, что все в курсе произошедшего. Холлис, который жил с ними с раннего детства, Сноу, Джозетт, Уиллард. Иметь такое необычное имя, как Уиллард, и не получить прозвища в резервации было невозможно. Так что Уиллард был Кучи¹. Младший ее сын, Лароуз, ринулся им навстречу. Он был ровесником мальчика Нолы. Они с сестрой забеременели в одно и то же время, но Эммалайн после родов положили в больницу Индейской службы здравоохранения². Прошло три месяца, прежде чем она увидела малыша Нолы. Оба мальчика, двоюродные братья, часто играли вместе. Эммалайн сделала сэндвичи, разогрела мясной бульон.

— Что теперь будет? — спросила Сноу, спокойно глядя на мать.

Глаза Эммалайн снова наполнились слезами. Ее лоб покраснел: молясь, она клала земные поклоны и при этом сильно билась головой о пол. Бедняжка источала страх — он словно сочился из нее.

— Не знаю, — ответила она. — Пойду в племенную полицию и побуду рядом с вашим отцом. Это было такое...

Эммалайн собиралась произнести «ужасное несчастье», но вместо этого лишь прижала руки ко рту. Слезы

¹ Хучи - кучи (*сленг*) — непристойный танец.

² Индейская служба здравоохранения — подразделение Департамента здравоохранения и социальных служб США, отвечающее за оказание медицинской и медико-санитарной помощи членам федерально признанных племен американских индейцев и коренных жителей Аляски.

вновь покатались по щекам, капая на воротник. Что еще можно было сказать о случившемся? Ничего. И Эммалайн не знала, как дальше жить ей, или Ландро, или кому-то другому, а в особенности Ноле.

Минута текла за минутой, пока наконец не прошел день, а потом и второй. Приехал Зак. Он сел на диван и провел рукой по косматым волосам.

— Приглядывай за мужем, — посоветовал он. — За ним надо присматривать, Эммалайн.

На миг ей показалось, будто он хотел сказать, что Ландро может покончить с собой. Она покачала головой. Ландро был предан семье, а о своих пациентах заботился так трепетно, что это напоминало одержимость. Он работал помощником физиотерапевта, пройдя обучение на техника диализа, а также прошел подготовку и сертификацию в больнице Индейской службы здравоохранения как ассистент в области персонального ухода¹. Эммалайн стала обзванивать подопечных Ландро. Начала с Отти и его жены Бап. Когда она позвонила милому старичку по имени Аван, безнадежно больному, и сообщила его дочери, что Ландро не придет, та сказала, что отпросится с работы и станет ухаживать за отцом, пока Ландро вновь не приступит к своим обязанностям. Ее отец любил играть с ним в карты. Однако в усталом голосе дочери прозвучали нотки, показывающие, что она не удивлена. Может быть, у Эммалайн начиналось нечто вроде паранойи — нервы были на взводе, — но ее поразило, что дочь Авана замялась, а потом сказала почти то же самое, что и Зак: «За ним надо

¹ Ассистент в области персонального ухода — личный помощник, в задачи которого входит помощь больным, слабым или пожилым клиентам в области гигиены, физических упражнений, приема лекарств и связи. В больницах такие специалисты выполняют также административные задачи, такие как заказ медикаментов или организация делопроизводства, хотя большая часть их деятельности связана с помощью пациентам.

присматривать». Дело в том, что они любят Ландро, говорила себе Эммалайн, но позже поняла, что это лишь часть правды.

Расследование было коротким — прошло всего несколько бессонных ночей перед тем, как Ландро освободили. Зак взял ключ у Эммалайн и положил ружье в багажник ее машины. После того как Ландро вышел из полицейского участка, Эммалайн пошла с ним прямо к священнику.

Отец Трэвис Возняк взял их за руки и стал молиться. Он не думал, что найдет слова, но те пришли. Конечно, пришли. *«Его цели непознаваемы, Его пути неисповедимы»*. За плечами священника было слишком много лет испытаний, которые начались прежде, чем он посвятил себя Богу. Отец Трэвис служил морским пехотинцем. Впрочем, он продолжал им быть. Батальон 1/8 морской пехоты¹. Священник выжил при взрыве бейрутских казарм в Ливане в 1983 году². Многочисленные рубцы окружали его шею, извиваясь петлями над воротником и, конечно, уходя в глубь плоти.

Он закрыл глаза, сжал крепче их руки. У него кружилась голова. Ему опротивело молиться о жертвах автомобильных аварий, надоело добавлять *«не забывайте пристегивать ремни безопасности»* в конце каждой проповеди, он устал от столь большого количества ранних смертей. Голова закружилась сильнее, и он приготовился к тому, что упадет на пол. Теперь, как, впрочем, всегда, он спрашивал себя, можно ли так притворяться перед людьми, которых любит. Он постарался успокоиться. *«Плачь с теми, кто плачет»*. Слезы текли по щекам Эммалайн и Ландро. Говоря, они нетерпеливо смахивали их с лица. Им требовались полотенца. У отца Трэвиса они водились, и ткане-

¹ Первый батальон восьмого полка морской пехоты.

² В 1983 году в Бейруте грузовик, начиненный взрывчаткой, врезался в здание казарм морской пехоты, которое обрушилось, погребя под обломками 400 спящих американских солдат.

вые, и бумажные. Он оторвал от рулона два белых квадрата. Два дня назад он сделал в точности то же для Питера. Ноле, чьи глаза, горящие ненавистью, оставались сухими, это не понадобилось.

— Что нам делать? — спросила Эммалайн. — Как все пойдет дальше?

Ландро, прикрыв глаза, принялся бормотать слова молитвы, перебирая четки. Эммалайн взглянула на него, но взяла еще одни четки у отца Трэвиса и принялась делать то же самое. Отец Трэвис не плакал, но его глаза были слегка розоватыми, а веки бледно-лиловыми. Он тоже держал четки. Его руки были сильными и мозолистыми, потому что он ворочал камни, занимался земляными работами и рубил дрова — это его успокаивало. Вот и теперь позади церкви высилась большая поленница. В свои сорок шесть он оставался крепким мужчиной, но его взгляд становился все печальнее. Он преподавал боевые искусства и готовил будущих морских пехотинцев, занимаясь с подростками из «Божьего отряда». Или упражнялся в одиночку. За его столом виднелись аккуратно разложенные гантели, а за занавеской на хорах стоял верстак. После того как они закончили, Ландро молча присел. Отец Трэвис прошел вместе с Ландро через все: через проблемные времена в школе-интернате, через Кувейт, через темный период пьянства, через исцеление у индейских знахарей. И вот, наконец, это. За годы, проведенные в резервации, отец Трэвис не раз видел, как люди стараются сделать как лучше, но все равно получается только хуже. Ландро протянул руку и взял священника за локоть. Эммалайн держалась за мужа. Вместе они прошептали по новому кругу молитвы «Аве Мария»¹, и повторяющийся ритм их успокоил. Последовала пауза. Перед тем как они ушли, отцу Трэвису показалось, что его хотят о чем-то спросить.

¹ В Римско-католической церкви читаются пять (или пятнадцать) десятков молитв «Аве Мария», причем каждому десятку предшествуют «Отче наш» и «Слава».

Ландро и Эммалайн пришли в церковь на заупокойную службу, сели на задней скамье, а потом потихоньку вышли через боковую дверь до того, как маленький белый гробик понесли по проходу.

Эммалайн внешне напоминала ветвистое дерево, прекрасное в своей угловатости. Локти торчали, как сучья, а узловатые колени походили на выступающие корни. У нее был слегка крючковатый нос и яркие темно-зеленые волчьи глаза, которые унаследовала ее дочь Джозетт. У Сноу, Кучи и Лароуза глаза были как у отца — теплые, карие. Белая кожа светловолосой Эммалайн быстро покрывалась загаром. Ее муж, куда более темный, передал детям приятную смуглоту, так что те напоминали пшеничный хлеб, подрумяненный на огне. Эммалайн была самозабвенно предана детям. После того как те родились, Ландро понял, что ему придется занять второе место, но, если очень постараться, в один прекрасный день он вновь может стать первым в ее сердце. Возвращаясь домой после визита к священнику, она держала руку на бедре Ландро и крепко сжимала его колено, когда мужа начинала бить дрожь. На аллее, ведущей к дому, он остановил машину, но не выключил двигатель, и тот продолжал работать на холостом ходу. Неяркий свет клонящегося к закату солнца делал черты их лиц заострившимися.

— Я пока не могу пойти домой, — сказал он.

Она бросила на него тревожный взгляд. Ландро помнил ее, Эммалайн Пис, восемнадцатилетней. Тогда у них только что завязались романтические отношения, и она часто глядела на него вот так. Если она при этом улыбалась, это означало, что они вот-вот снова потеряют голову друг от друга. Он был старше на шесть лет. В то время они были гораздо на всяческие безумства. Понимали, что сходят с ума, но ничего не могли с этим поделать. Они должны были прожить эту полосу жизни вместе и вместе очнуться от наваждения. Теперь Эммалайн понимала, что именно удерживает мужа.